

Му Эренд

13.11.05
266

Допплер

Эрленд Лу

ИЗВЕСТИЯ

№ 205

45

Пятница

11.11.2005

13.11.2005

«Допплер» — новый роман самого знаменитого в мире наивиста, автора книг «Наивно. Супер», «Во власти женщины» и «Лучшая страна в мире», Эрленда Лу — выходит на русском языке. «Книга рассказывает о человеке, у которого умер отец. А когда этот человек падает с велосипеда в лесу и лежит на земле, он в этот момент понимает, что ему никогда в жизни не было лучше, чем сейчас. И вот он бросает свою семью, жену и двоих детей, и поселяется в лесу. А там его другом становится маленький лосенок», — поведал Лу незадолго до выхода книги. Полностью роман выйдет в издательстве «Азбука» в ноябре.

Я похоронил отца. А вчера убил лоску. Что тут скажешь.

Или она, или я — получалось так. Я оголодал. Честно говоря, отопал уже. В ночь на вчера я спустился в Маридален и украл с какого-то двора сено. Отомкнул своим ножиком сарай и набил полный рюкзак. Вернувшись, вздремнул, а чуть развиднелось, пошел к расщелине к востоку от лагеря и разложил сено как приманку. Само место для засады я определил давно. Лег на краю расщелины и несколько часов ждал. Что лоси здесь водятся, я знал. Своими глазами их видел. Они даже к моей палатке как-то подходили. Лоси, они всегда в пути. Обходят лес за лесом, следуя своей логике, в чем-то даже разумной: ищут место, где жизнь лучше, и верят, видимо, что где-то оно есть. Их правда, может статься. В конце концов лось таки появился. Но за ним ковылял теленок. Меня смутило, что это лосиха с теленком. Мне б хотелось без теленка. Но вон он, тащится следом. А направление ветра идеальное. Я зажал в зубах нож, в чем-то маленький, а такой большой, тесак, короче — изготовился. Лоси медленно приближались ко мне. Жевали мох, обедали листу с молодых березок внизу расщелины.

И вот она стоит. Прямо подо мной. Огромная как черт знает что. Лоси вообще крупные. Мы часто забываем, какие они гиганты. Да. И я прыгнул ей на спину. Естественно, я тысячу раз прокручивал в голове план во всех деталях. Исходил из того, что зверь не придет в восторг и, наверно, рванет с места. Так и вышло. Но прежде чем лосиха развила скорость, я всадил нож ей в голову. Одним мощным рубленным ударом тесак пробил череп, вошел в мозг, и теперь рукоятка торчала из головы лосихи как эдакая кокетливая шляпка. Я спрыгнул, вскарабкался для пущей безопасности на высокий камень и выжидал, а перед глазами лосихи проходила вся ее жизнь: светлые времена, когда пиши вдоваль, беспечные солнечные неторопливые дни лета, короткий роман по осени, одиночество потом. Роды, счастье продолжения себя в потомстве, но еще нудные, изматывающие месяцы пережитых зим, отчаяние, растерянность, и всегда под боком детеныш, этот неуемный вечный двигатель, отвязаться от которого, насколько я знаю, может, кажется и облегчением. Вся жизнь промелькнула перед ее мысленным взором за каких-то полсекунды, и она рухнула.

Некоторое время я стоял и смотрел на нее и на лосенка: он не бежал, топтался рядом с мертвой матерью, но совсем понимая, что произошло. На душе у меня было нехорошо, непонятно как-то. Хотя я обретаюсь тут уже с полгода, убил я впервые, и убил сразу огромного зверя, возможно, самого крупного в Норвегии — то есть, нарушив все свои принципы, я по-варварски ободрал приросту, мало того, взял у нее больше, чем в состоянии отдать, во всяком случае, в обозримом будущем. Меня это огорчило. В идеале во всем должен соблюдаться паритет. А на практике голод есть голод, но с природой постараясь постепенно рассчитаться, подумал я, спрыгнул с камня, отогнал лосенка и потом

только выдернул нож и вспорол им брюхо мертвому зверю. Куча внутренностей вывалилась наружу, я отрезал кусок желудка и съел его, сырым. Не сходя с места. Прямо как индеец. Потом накромсал, что сумел, на куски, часть оттащил в палатку, там прихватил топор, вернулся и порубил остатки. До вечера я перетасил в лагерь все. Затем изжарил на костре несколько больших кусков мяса и впервые за последние недели наелся досыта. Остальное мясо повесил коптиться в примитивной копильне, я корпел над ее

«Куча внутренностей вывалилась наружу, я отрезал кусок желудка и съел его, сырым»

сооружением все последние дни. Засим заснул.

А когда сегодня проснулся, услышал рядом с палаткой топот лосенка.

Он визжит там до сих пор. А я не решаюсь вылезти наружу. У меня не хватает духу посмотреть детенышу в глаза.

Но и вальсировать так дальше я не могу. Мне требуется молоко. Обезжиренное молоко. Без него я не человек. Делаюсь раздражительным, вспыльчивым. За молоком, отчетливо понимаю я, предстоит идти в город. Через не хочу, но придется, потому как молоко нужно мне позарез. Из-за него я время от времени, словно обычный человек, навещаю в окрестности стадиона «Уллеволл». Спору нет, раньше это происходило гораздо чаще, чтоб не сказать каждый день, но с тех пор — как бы это лучше выразиться — как я переселился в лес, где теперь, собственно, и живу, в лесу то есть, в город я навещаю все реже и реже. Одна из причин в том, что у меня нет денег. Но главное, мне не хочется встречать людей. Они мне противны. Чем дальше, тем больше. Хотя молоко мне необходимо. Мой отец тоже пил молоко. Но отца теперь нет.

Настырный лосенок все возит за палаткой. Это он так громко и назойливо осуждает меня. Пытается раздавить психологически. Но я только еще глубже заползаю в спальный мешок и застегиваю его, теперь между мной и миром ничейная полоса. Мир не может вторгнуться ко мне, я не могу выйти наружу и, точно маленький ребенок, лежу не дыша: «я в домике». Но лосенок не отступает. Топочет и топочет. А мне приспичило написать. Бог мой, это всего-навсего теленок, угорвариваю я себя. С какой стати я, взрослый мужик, должен терзаться утрызнениями совести из-за того, что убил лось? Это в природе вещей. Жизнь все равно заставит лосенка жить по ее законам, пусть радуется, что этот первый урок преподал ему я, Допплер, на моем месте менее совестливый человек, небось, прикончил бы заодно и его самого.

Я вылезал из палатки и иду отлить. Как всегда, встаю на определенное место, на гладкий камень пониже палатки. Отсюда обычно видно весь город и фьорд, но сегодня мешает туман. Лосенка я пол-

ностью игнорирую. Точно его тут нет. Хотя он напряженно следит за мной, пока я писаю.

Я стараюсь повернуться к нему спиной, но он все же мельком увидел и теперь желает рассмотреть подробно. Он переходит на другое место и заглядывает оттуда. Я отворачиваюсь, он передвигается на новое место. Точно хочет удостовериться, что глаза его не обманули. Как хотят все и всегда. Story of my life. Ладно, черт с тобой, говорю я и разворачиваюсь в его сторону, спустив штаны до колен и вскинув руки. Гляди, говорю я. Так хорошо? Все рассмотрел? Доволен?

Но нет, упямый малолетний мерзавец все еще недоволен. Он готов все глаза проглядеть. Однако есть предел тому, что я готов снести от какого-то засранца лось. Я выхватываю топор, вотгнаный в дерево неподалеку, и со всего маху запускаю им в лосенка. Он отскакивает в сторону и убеждает.

Жизнь доказала мне, что, когда я утаиваю правду, события оборачиваются против меня, поэтому пусть уж я сразу расскажу все как есть: у меня очень большой член.

Что тут скажешь.

У меня привлекающий внимание своим размером, иначе говоря, гигантский половой орган.

Член-великан, короче.

Такой он у меня от роду — большой. Лучшего слова для него не подобрать. Длинный. Увесистый. И толстый. Большой, одним словом.

В школе меня дразнили Член-с-ногами.

К счастью, школа давно в прошлом. Те обиды свербят уже не так. Хотя было больно. У меня ведь имелись и другие достоинства, на которые мне хотелось, чтобы люди обратили внимание.

Член-с-ногами!

Если честно, я страшно зол, что этот гаденыш разворошил старое. Так я давно уже не вспоминал о школе, а тут на тебе. Проклятый лось. Пусть только вернется, я с него шкуру спущу.

Вчера я остался без молока. Весь день убил на то, чтобы прогнать окаянного лосенка. Когда я шуганул его в лес, он, естественно, явился обратно, недолго заставил себя ждать. И час за часом действовал мне на нервы, слоняясь вокруг палатки. Ни дать ни взять ученик старшей школы Согна — той, что выглядит как универсальная протопорья. Я много лет ездил мимо на велосипеде. И теперь могу видеть ее в бинокль, если вдруг захочу и не будет тумана. Ученики вечно ошиваются там на углу и трогательно как-то даже маются, силясь до звонка накуриться впрок. Будь у лосенка доступ к сигаретам, его б не пришлось упрашивать. Чему тут удивляться: он одинок, а до него начинает доходить, насколько мир жесток. Лось не знает ни зачем ему дальше жить, ни как. Конечно, переносить свою фрустрацию на меня весьма инфантильно, но можно ли было ожидать иного? Он ведь еще ребенок, как ни крути.

В конце концов мое терпение лопнуло, ребенок он там или кто. Стараясь не шуметь, я напятил на себя охотничий костюм и выскочил из палатки с занесенным для удара топором, но этот

НОВИНКА

ЧТЕНИЕ

culture@izvestia.ru

Норвежец Эрленд Лу родился 24 мая 1969 года в Трондхейме, получил классическое гуманитарное образование (специализация в теории и истории фольклора, литературы и кино), а затем еще окончил Датскую киношколу в Копенгагене. Свой первый роман «Во власти женщины» Лу издал в 1993 году, однако мировую славу ему принесла книга «Наивно. Супер» (1996), переведенная на полтора десятка языков и ставшая формулой писательской манеры Лу — сочетанием сказовой интонации повествования и умения говорить просто о сложном. В период 1996–1999 годов он был удостоен 3 национальных литературных премий и одной международной. В это время вышли его «Сказки о Курте» (1998), «У» (1999), позже отмеченная национальной премией Норвегии «Jotunheimen Billmark 2469» (2000), и «Лучшая страна в мире, или Факты о Финляндии» (2001). Параллельно с романами Лу пишет сценарии (в частности, он автор сценария к фильму «Детектор»).

юный гимнаст вновь увернулся. Заставив меня еще несколько часов гоняться за ним по всем окрестностям. Мы побывали на Веттаколлен, спустились к озеру Согнсванн и вскарабкались по косогору чуть не до сэтара Уллеволл. По данным навигационной системы GPS, мы одолели без малого пятьдесят километров, двинувшись по лесу и пересеченной местности со средней скоростью двенадцать километров в час. Уже затемно я дотопился до палатки совершенно без сил. И когда вслед за мной появился лосенок, я не принял бой. Я капитулировал. Сегодня ночью мы вместе спали в палатке. Лосенок, к моему удивлению, согревал меня, как печка. Большую часть ночи я елозил по нему головой, как по подушке, а когда проснулся поутру, мы долго лежали и смотрели друг на друга, и я чувствовал такое духовное единение с ним, какое редко переживал с людьми. В этом было нечто чересчур даже интимное. Не думаю, чтобы хоть раз испытал подобную душевную близость с женой. Даже в самом начале отношений. Я попросил прощения, что убил его мать, и сказал, что отныне он может приходить и уходить когда вздумает. Лосенок, естественно, ничего не говорил. Он только смотрел на меня большими доверчивыми глазами.

Какое блаженство — общаться с тем, кто не умеет говорить.

Сегодня мы целый день лежали в палатке и болтали. Я угостил лосенка водкой и принес ему веток с сочной корой, а себе нажарил на углях большие куски мяса. Я вычесал его своей гребенкой и объяснил, в педагогических целях, что люди охотятся на лосей тысячелетия не забывая ради, а силу жизненной необходимости. Если бы поголовье бесконтрольно росло, это немедленно привело бы к катастрофическим последствиям, заявил я, не совсем понимая, что говорю, но мне кажется, я читал или слышал о чем-то подобном, поэтому и прибавил ради красного словца, что, мол, едва лосей становится слишком много, тут же начинают распространяться болезни, и соматические, и психические, в результате в лесу складывается страшно неприятная обстановка, и все равно человеку приходится с ней разбираться. Вот представь себе, сказал я лосенку, которому, кстати, не хватало имени, надо бы его придумать, но пока я сказал просто: представь себе, толпы неизлечимо больных, с помутившимся рассудком лосей с ревом носятся по всему лесу и бьются из-за каждой крошки корма, дерзко попирая законы лесного общежития и моральный кодекс лосей. Этого никто не хочет, так? Вот почему деды мои и прадеды охотились на лосей, и мы продолжаем их дело. Хотя сегодня мы легко бы прожили без мяса и шкур, добавил я, понизив голос, мы все равно отстреливаем лосей. Пойти в лес и добыть лось кажется нам удовольствием. Среди охотников, насколько мне известно, царит крепкая дружба, и охота стала одной из наших многовековых традиций. Мы охотимся по традиции. И чтобы регулировать поголовье, о чем я уже упоминал. Так обстоят дела. Но я убил твою маму не по традиции. А из необходимости. У меня неделями не бывало пищи; с тех пор как сошла черника, я вообще ни разу не ел до сытости. Меня корбит, что я сделал это ножом, сказал я. Подобная жестокость недопустима, но у меня нет ружья, и стрелять я тоже не умею. Я пойму, если ты осудишь меня или начнешь шарахаться из крайности в крайность, мучаюсь и не зная, как ко мне относиться, сказал я. Это твоё право. Ты должен сам разобраться в своих чувствах и сам провести в наших отношениях границу там, где сочтешь нужным. Помни одно — в это трудное время я всегда готов поддержать тебя, сказал я, к тому же, продолжил я после короткой паузы, прошло бы совсем немного времени, и твоя мать разорвала бы узды между вами самым безжалостным образом. Она бы оттолкнула тебя и велела убираться прочь. Такие

уж вы, лоси. На вид ангелы, а с детьми своими обращаетесь как последние мерзавцы. Звери вы. Рожаете ребенка, выкармливаете его молоком, в первом приближении наставляете в жизни, а потом, в тот момент, когда малыши наслаждаются безмятежностью и не ждёт подвоха, — раз и пошел вон. Совсем скоро, может прямо на следующей неделе, твоя мать сказала бы: «Всё. Иди своей дорогой!», и этот день стал бы для тебя кошмаром, источником тягостных комплексов, от которых большинству лосей не удается избавиться никогда, но тебе они не будут знакомы, потому что я устранил ее: ты будешь вспоминать не двоюродное вероломство родной матери, а то, каким чистым и светлым существом она была, бесконечно для тебя дорогим, и как бесмысленно и скоростно ушла из жизни, говорил я, расчесывая ему шерстку.

Раз уж мы об этом заговорили, продолжал я, знаешь, я тоже недавно пережил горе. Я лишился отца. Я его почти не знал. Мало понимал, что он за человек. А теперь его нет. Так что мы с тобой, как говорится, два сапога пара. Ты потерял мать, я — отца. Чем меня проклиная, можешь с таким же успехом обрушить свой гнев на господина Дюссельдорфа и Планетвейен. Долгое время у меня был свободный доступ в его подвал, объяснил я. Покойная жена господина Дюссельдорфа успела накрутить вареный солений на пару человеческих жизней, его вездесильный морозильник грамотно забит беконом и прочими мясopодуктами, к тому же дотошно, в течение нескольких недель, изучение окрестностей убедило меня, что ни в один другой дом нельзя проникнуть с такой легкостью, как к Дюссельдорфу, чему немало способствует то, что он развизал, любит выпить и вообще с придурью — все вечера клеит никому не нужные макеты колесной техники времен Второй мировой войны, которые он воспроизводит в масштабе, насколько я понимаю, 1:20, и скрупулезно, конечно же преувеличивая бремя своей ответственности, раскрывает, ни на йоту не отступая в цвете от оригинала, а я, не мешая ему, тем временем проникал в дом через садовую дверь, которая все лето почти постоянно стояла нараспашку, спускался в подвал, без зазрения совести выбирал, что повкуснее, набивал рюкзак и тем же путем уходил к себе в лес. Этот порядок, мнилось мне, идеально устраивал нас обоих — и меня, и господина Дюссельдорфа. У него есть все, что требуется для земной жизни. Большой дом, залежи еды, круглая сумма денег в банке (смотри выписки из счета, сложенные на шкапулке у двери в подвал) и сверх того хобби, которое явно скрашивает и наполняет смыслом его жизнь. Нелегко придумать, чего бы еще он мог себе пожелать, сказал я лосенку. Все выглядело настолько безоблачно, что в глубине души я уже почти верил: стоит мне позвонить в дверь и напрямую спросить, могу ли я время от времени навещать к нему в дом и угощаться излещками из подвала, он улыбнется и скажет: «Конечно, не стесняйтесь».

Но потом он вдруг передумал. Не так давно я нашел дверь в сад запертой, а на доме появились жучки сигнализации и грозные напоминания о том, что он охраняется, а преступления караются.

Вот до чего мы дожили. Люди замуровывают себя в домах, боясь ближнего.

Я оказался у разбитого корыта и вскоре, что вполне закономерно, начал голодать. С каждым днем голод мучил меня все сильнее, дошло до того, что я не видел иного выхода, кроме как заманить твою мать в ловушку и раскроить ей череп тесаком. Вот и вся история. Так действует голод. Все остальное перестает существовать. Единственное желание — любой ценой разорвать пищу. Может, сказал я лосенку, ты и по себе это знаешь, а может — нет. Хотелось бы надеяться, что нет.